

ПАМЯТИ Т. Б.

1

Пока не увяли цветы и лента
еще не прошла через известь лета,
покуда черна и вольна цыганить,
ибо настолько длинна, что память
моя, как бы внемля ее призыву,
потянет ее, вероятно, в зиму, —

2

прими от меня эту рифмо-лепту,
которая если пройдет сквозь Лету,
то потому что пошла с тобою,
опередившей меня стопою;
и это будет тогда, подруга,
твоя последняя мне услуга.

3

Вот уж не думал увидеть столько
роз; это — долг, процент, неустойка
лета тому, кто бесспорно должен
сам бы собрать их в полях, но дожил
лишь до цветенья, а им оставил
полную волю в трактовке правил.

4

То-то они тут и спят навалом.
Ибо природа честна и в малом,
если дело идет о боли
нашей; однако не в нашей воле
эти мотивы назвать благими;
смерть — это то, что бывает с другими.

5

Смерть — это то, что бывает с другими.
 Даже у каждой пускай богини
 есть фавориты в разряде смертных,
 точно известно, что вовсе нет их
 у Персефоны; а рябь извилин
 тем доверяет, чей брак стабилен.

6

Все это помнить пока есть сила,
 пока все это свежо и сыро,
 пока оболочка твоя, — вернее,
 прощанье с ней для меня больнее,
 чем расставанье с твоей душой,
 о каковой на себя с большою

7

радостью Бог — о котором после,
 будет ли то Магомет, Христос ли,
 словом сама избрала кого ты
 раньше, при жизни — возьмет заботы
 о несомненном грядущем благе; —
 пока сосуд беззащитной влаги,

8

с того разреши мне на этом свете
 сказать о ее, оболочки, смерти,
 о том, что случилось в тот вечер в Финском
 заливе и стало на зависть сфинксам
 загадкой — ибо челнок твой вовсе
 не затонул, но остался возле.

9

Вряд ли ты знала тогда об этом,
 лодка не может и быть предметом
 бденья души, у которой сразу

масса забот, недоступных глазу,
стоит ей только покинуть тело;
вряд ли ты знала, едва ль хотела

10

мучить нас тайной, чья сложность либо
усугубляет страданье (ибо
повод к разлуке важней разлуки),
либо она облегчает муки
при детективном душевном складе;
даже пускай ты старалась ради

11

этих последних, затем что все же
их большинство, все равно похоже,
что и для них, чьи глаза от плача
ты пожелала сберечь, задача
неразрешима; и блеск на перлах
их многоточия — слезы первых.

12

Чаек не спросишь, и тучи скрылись.
Что бы смогли мы увидеть, сияясь
глянуть на все это птичьим взглядом?
Как ты качалась на волнах рядом
с лодкой, не внемля их резким крикам,
лежа в столь малом и в столь великом

13

от челнока расстоянье. Точно
так и бывает во сне; но то, что
ты не цеплялась, — победа яви:
ибо страдая во сне, мы вправе
разом проснуться и с дрожью в теле
впитаться пальцами в край постели.

14

Чаек не спросишь, и нету толка
в гомоне волн. Остаются только
тучи — но их разгоняет ветер.
Ибо у смерти всегда свидетель —
он же и жертва. И к этой новой
роли двойной ты была готовой.

15

Впрочем и так, при любом разбросе
складов душевных, в самом вопросе
«Чем это было?» разгадки средство.
Самоубийством? Разрывом сердца
в слишком холодной воде залива?
Жизнь позволяет поставить «либо».

16

Эта частица отнюдь не фора
воображенью, но просто форма
тождества двух вариантов, выбор
между которыми — если выпал —
преображает неподвижность чистых
двух параллельных в поток волнистых.

17

Эта частица — кошмар пророков —
способ защиты от всех упреков
в том, что я в саване хищно роюсь,
в том, что я «плохо о мертвой» — то есть
самоубийство есть грех и вето;
а я за тобой полагаю это.

18

Ибо, включая и этот случай,
все ж ты была христианкой лучшей

нежели я. И быть может, с точки зрения тюркских певцов, чьи строчки пела ты мне, и вообще Ислама, в этом нет ни греха, ни срама.

19

Толком не знаю. Но в каждой вере есть та черта, что по крайней мере объединяет ее с другими: то не запреты, а то, какими люди были внизу, при жизни, в полной серпов и крестов отчизне.

20

Так что ты можешь идти без страха: ризы Христа иль чалма Аллаха, соединенье газели с пловом или цветущие кущи — словом, в два варианта Эдема двери настезь раскрыты, смотря по вере.

21

То есть одетый в любое платье Бог тебя примет в свое объятие, и не в любви тут дело Отчей: в том, что, нарушив довольно общий смутный завет, ты другой, подробный твердо хранила: была ты доброй.

22

Это на счетах любых дороже: здесь на земле, да и в горних тоже. Время повсюду едино. Годы жизни повсюду важней, чем воды, рельсы, петля или вскрытие вены; все эти вещи почти мгновенны.

23

Так что твой грех, говоря по сути,
равен — относится к той минуте,
когда ты глотнула последний воздух,
в легких с которым лежать на водах
так и осталась, качаясь мерно.
А добродетель твоя, наверно,

24

эту минуту и ветра посвист
перерастет, как уже твой возраст
переросла, ибо день, когда я
данные строки, почти рыдая,
соединяю, уже превысил
разность выбитых в камне чисел.

25

Черная лента цыганит с ветром.
Странно тебя оставлять нам в этом
месте, под грудой цветов, в могиле,
здесь, где люди лежат, как жили:
в вечной своей темноте, в границах;
разница вся в тишине и в птицах.

26

Странно теперь, когда ты в юдоли
лучшей, чем наша, нам плакать. То ли
вера слаба, то ли нервы слабы:
жалость уместней Господней Славы
в мире, где души живут лишь в теле.
Плачу, как будто на самом деле

27

что-то остаться могло живое.
Ибо когда расстаются двое,

то, перед тем как открыть ворота,
каждый берет у другого что-то
в память о том, как их век был прожит:
тело — незримость; душа, быть может,

28

зренье и слух. Оттого и плачу,
что неглубоко надежду прячу,
будто ты слышишь меня и видишь,
но со словами ко мне не выйдешь:
ибо душа, что набрала много,
речь не взяла, чтоб не гневить Бога.

29

Плачу. Вернее, пишу, что слезы
льются, что губы дрожат, что розы
вянут, что запах лекарств и дерна
резок. Писать о вещах, бесспорно,
тебе до смерти известных, значит
плакать за ту, кто сама не плачет.

30

Разве ты знала о смерти больше
нежели мы? Лишь о боли. Боль же
учит не смерти, но жизни. Только
то ты и знала, что сам я. Столько
было о смерти тебе известно,
сколько о браке узнать невеста

31

может — не о любви: о браке.
Не о накале страстей, о шлаке
этих страстей, о холодном, колком
шлаке — короче, об этом долгом
времени жизни, о зимах, летах.
Так что сейчас, в этих черных лентах,

32

ты как невеста. Тебе, не знавшей
брака при жизни, из жизни нашей
прочь уходящей, покрытой дерном,
смерть — это брак, это свадьба в черном,
это те узы, что год от года
только прочнее, раз нет развода.

33

Слышишь, опять Персефоны голос?
Тонкий в руках ее вьется волос
жизни твоей, рассеченной Паркой.
То Персефона поет над прялкой
песню о верности вечной мужу;
только напев и плывет наружу.

34

Будем помнить тебя. Не будем
помнить тебя. Потому что людям
свойственна тяга к объектам зримым
или к предметам настолько мнимым,
что не под силу сердечным нетям.
И, не являясь ни тем, ни этим,

35

ты остаешься мазком, наброском,
именем, чуждым своим же тезкам
и не бросающим смертной тени
даже на них. Что поделаться с теми,
тел у кого, чем имен, намного
больше? Но эти пока два слога —

36

ТАНЯ — еще означают тело
только твое, не пуская в дело

анестезию рассудка, ими
губы свои раздвигая, имя
я подвергаю твое огласке
в виде последней для тела ласки.

37

Имя твое расстается с горлом
сдавленным. Пользуясь впредь глаголом,
созданным смертью, чтоб мы пропажи
не замечали, кто знает, даже
сам я считать не начну едва ли,
будто тебя «умерла» и звали.

38

Если сумею живым, здоровым
столько же с этим прожить я словом
лет, сколько ты прожила на свете,
помни: в Две Тысячи Первом лете,
с риском быть вписанным в святотатцы,
стану просить, чтоб расширить святцы.

39

Так, не сумевши ступать по водам,
с каждым начнешь становиться годом,
туфельки следом на волнах тая,
все беспредметней; и — сам когда я,
не дотянувши до этой даты,
посуху двину туда, куда ты

40

первой ушла, в ту страну, где все мы
души всего лишь, бесплотны, немы,
то есть где все — мудрецы, придурки, —
все на одно мы лицо, как тюрки, —
вряд ли сыщу тебя в тех покоях,
встреча с тобой оправданье коих.

41

Может, и к лучшему. Что сказать бы
смог бы тебе я? Про наши свадьбы,
роды, разводы, поход сквозь трубы
медные, пламень, чужие губы;
то есть с каким беспримерным рвением
трудимся мы над твоим забвеньем.

42

Стоит ли? Вряд ли. Не стоит строчки.
Как две прямых расстанутся в точке,
пересекаясь, простимся. Вряд ли
свидимся вновь, будь то Рай ли, Ад ли.
Два этих жизни посмертной вида
лишь продолженье идей Эвклида.

43

Спи же. Ты лучше была, а это
в случае смерти всегда примета,
знак невозможности, как при жизни,
с худшим свиданья. Затем что вниз не
спустишься. Впрочем, долой ходули —
до несвиданья в Раю, в Аду ли.

1968(?)